

А.Г. Пурс*

МОЖЕТ ЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА РЕАЛЬНО ОБЕСПЕЧИТЬ ПРАВО НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

Аннотация: Представлен авторский взгляд на нормы уголовно-процессуального права на примере важнейшего принципа уголовного процесса – обеспечения права на защиту в уголовном процессе. Правовую основу анализируемого в публикации законодательства составляет законодательство Республики Беларусь (следует отметить, что значительная часть территории современной Беларуси входила в состав Российской империи, а на современном этапе происходит унификация законодательства в рамках Союзного государства России и Беларуси). Проводятся исторические и правовые параллели между уголовно-процессуальной формой, характерной для Устава уголовного судопроизводства 1864 г., и современным отечественным законодательством. Предпринята попытка изучения норм, регламентирующих обеспечение права на защиту, не столько с позиции конструирования новых форм, сколько с позиции глубокого структурного анализа уголовно-процессуальной нормы как социального регулятора, ее внутренней структуры, нравственной компоненты, взаимосвязи нормотворчества и правоприменения. В основу методологии положены системный и структурно-функциональный подходы, базирующиеся на современных представлениях о диалектическом научном познании объективной действительности. Автор использовал общенаучные методы познания: компаративный анализ и синтез, индукцию и дедукцию, абстрагирование и моделирование. Предлагается авторская интерпретация вердикта присяжных по делу В. Засулич как яркого примера взаимодействия новой формы правосудия в виде суда присяжных и института присяжных поверенных (новеллы Устава уголовного судопроизводства 1864 г.), создавшего качественно иной формат обеспечения защиты прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, выходящий за рамки исключительно формального подхода. Обосновывается вывод о невозможности реального обеспечения права на защиту в уголовном процессе посредством совершенствования одной лишь юридической техники.

Ключевые слова: право на защиту, адвокатура, суд присяжных, присяжные поверенные, норма права, уголовно-процессуальная форма, Устав уголовного судопроизводства, принципы уголовного процесса, нравственные начала, уголовный процесс.

DOI: 10.7256/1994–1471.2014.4.11300

Согласно ст. 62 Конституции Республики Беларусь: «Каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств. Противодействие оказанию правовой помощи в Республике Беларусь запрещается».

В свою очередь, ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь раз-

вивает конституционные положения: «1. Подозреваемый, обвиняемый имеют право на защиту. Это право они могут осуществлять как лично, так и с помощью защитника в порядке, установленном настоящим Кодексом; 2. Орган уголовного преследования и суд обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому их права и обеспечить возможность защищаться установленными законом средствами и способами, а также обеспечить охрану их личных и имущественных прав; 3. В предусмотренных законом случаях лица, ведущие производство по материалам и уголовному делу, обязаны обеспечить участие защитника подозреваемого, обвиняемого; 4. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, юридическая помощь подозре-

© Пурс Алексей Геннадьевич

* Кандидат юридических наук, управляющий партнер, Адвокатское бюро «Пурс и партнеры»

[6868768@mail.ru]
220004, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Победителей, д. 23, корпус 1, офис 710А.

ваемому, обвиняемому оказывается за счет средств местного бюджета».

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе» внимание судов обращается на то, что обеспечение права на защиту является принципом уголовного процесса, который выражается в предоставлении каждому подозреваемому, обвиняемому реальной возможности осуществлять защиту своих прав и интересов в уголовном процессе как лично, так и с помощью защитника. Поэтому орган, ведущий уголовный процесс, обязан неукоснительно соблюдать установленные законом предписания о средствах и способах защиты подозреваемого, обвиняемого, создавая необходимые условия для реализации стороной защиты своих процессуальных прав и выполнения обязанностей.

Вышеуказанные положения действующего законодательства в совокупности с иными принципами уголовного процесса, такими как презумпция невиновности; всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела; осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон и другие, являются важнейшим правовым инструментарием для защиты лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Несмотря на отличающиеся формулировки, концептуально вышеизложенный арсенал основополагающих руководящих начал свойственен и для российской правовой действительности, что четко легитимирует декларируемые на уровне основных законов постулаты строящихся правовых и демократических государств. Указанные положения значительно развивают векторы, заданные еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС 1864 г.).

Именно с УУС 1864 г. начинается свою историю отечественная адвокатура, система построения которой была заимствована из французской правовой модели. Согласно нормам УУС 1864 г., защитник допускался только со стадии подготовки дела к слушанию судом, вместе с тем регламентировался принцип состязательности сторон – прокурор и защитник пользовались в судебном заседании одинаковыми правами.

Примерно в течение первых полутора десятилетий своего существования к адвокатуре наблюдалось весьма прохладное отношение к ней. «Общество относилось к ней не лучше, чем правительство». Не только в число частных поверенных, но и в число присяжных поверенных попадали люди, смотревшие на адвокатские занятия «как на торговлю словом», что давало

обществу повод нередко судить об адвокатах подобным же образом¹.

Однако со временем скептический настрой, а в ряде случаев и гнев общества в отношении института присяжных поверенных сменился на милость. Перемены произошли в результате принципиального отстаивания высоконравственной и профессиональной позиции конкретных личностей при осуществлении ими защиты в судебном разбирательстве по громким делам того времени. Такие адвокаты, как В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, Ф. Н. Плевако, А. И. Урусов и др., сформировали высочайшие стандарты защиты в уголовном процессе, даже не столько в профессиональном, сколько в высоконравственном аспекте этой деятельности.

Фундаментом реформы и гарантом демократических принципов организации судопроизводства стал суд присяжных, который обеспечивал непосредственное участие населения в отправлении правосудия и был более демократичной формой судоустройства, что позволило уйти от инквизиционной системы процесса, господствовавшей до 1864 г., к демократической, на принципах которой действуют суды демократических государств и в настоящее время².

В совокупности с судом присяжных эффективность деятельности адвокатского корпуса была весьма значительна, даже несмотря на несовершенную правовую регламентацию положений об обеспечении права на защиту в XIX веке.

В некотором роде апогеем эффективности реального правоприменения в аспекте обеспечения права на защиту можно считать судебное разбирательство по известному уголовному делу Веры Засулич.

Напомним, что Вера Засулич в присутствии нескольких полицейских чиновников стреляла в градоначальника Трепова, вины своей она не отрицала. Но многое зависело и от юридической оценки ее действий. Перед слушанием дела министр юстиции граф Пален неоднократно беседовал с председательствующим А. Ф. Кони. Министр начал понимать, что поступил легкомысленно, передав дело Засулич на рассмотрение суда присяжных. Он пытался убедить А. Ф. Кони, что преступление – дело личной мести и присяжные обвинят Засулич: «Теперь все зависит от вас, от вашего умения

¹ Стешенко Л.А., Шамба Т.М. Адвокатура в Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. С. 23.

² Смоленский М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. С. 24.

и красноречия». «Граф, – отвечал Кони, – умение председателя состоит в беспристрастном соблюдении закона, а красноречивым он быть не должен, ибо существенные признаки резюме – беспристрастие и спокойствие. Мои обязанности так ясно определены в уставах, что теперь уже можно сказать, что я буду делать в заседании. Нет, граф! Я вас прошу не ждать от меня ничего, кроме точного исполнения моих обязанностей...». Оглашая опросный лист, старшина успел только сказать «Не виновата», что вызвало бурные аплодисменты в зале. Кони объявил Засулич, что она оправдана и приказ о ее освобождении будет подписан немедленно³. За рубежом также с большим интересом отнеслись к известию об оправдании Засулич. Подробно осветили процесс газеты Франции, Германии, Англии и США. Пресса отмечала особую роль адвоката П. А. Александрова и председательствующего А. Ф. Кони. Однако российское правительство подобных восторгов не разделяло⁴. Интересно, почему?

Решение об оправдании Засулич, невысказанное для практики современного правосудия, было принято в эпоху действия именно УУС 1864 г., в котором регламентация процессуальных гарантий лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в том числе и обеспечения права на защиту, находилась далеко от современного уровня. Так что же это было? Нарушение закона? Отнюдь.

А. Ф. Кони, председательствующий в названном процессе, являлся в высшей степени законником, который, напротив, несмотря на существенное давление со стороны государственной власти, явил подлинный пример независимости суда и подчинения его только закону. Но какому? Только лишь писаному?

В сущности, дело даже не в оправдательном вердикте присяжных. В отношении подсудимой Засулич орган, ведущий уголовный процесс, смог создать все необходимые условия для реального обеспечения ее правом на защиту. Это выразилось в полном, объективном и всестороннем исследовании всех материалов дела, обеспечении возможности для полноценного участия профессионального правозащитника, состязательности сторон обвинения и защиты при непредвзятом суде.

³ Дмитриев И. Почему присяжные оправдали террористку Веру Засулич // Право.ru [Электронный ресурс] // <<http://pravo.ru/process/view/17103>> (последнее посещение – 25.02.2014).

⁴ Дмитриев И. Почему присяжные оправдали террористку Веру Засулич // Право.ru [Электронный ресурс] // <<http://pravo.ru/process/view/17103>> (последнее посещение – 25.02.2014).

Мог ли А. Ф. Кони вмешаться в реальный ход процесса, в результате чего был бы вынесен обвинительный вердикт присяжных? Полагаем, что мог. Но в этом случае приговор был бы ангажирован под исключительно государственно-властный интерес. Да, он был бы вполне закономерен с точки зрения формального сопоставления деяний Засулич и норм действующего на тот момент законодательства (собственно, именно так это и происходит в настоящее время). Однако коллегия присяжных заседателей пошла иным путем. Граждане, а не юристы-профессионалы, допущенные законом к процедуре отправления правосудия, приняли решение, которое не основывалось на исключительно формально-юридическом подходе, а синтезировалось другой логикой.

А. Ф. Кони впоследствии прокомментировал этот вердикт: «Вдумываясь в тогдашнее настроение общества, действительно трудно было сказать утвердительно, что по делу Засулич последует обвинительный приговор. Такой приговор был бы несомненен в Англии, где живое правосознание разлито во всем населении, где чувство законности и государственного порядка вошло в плоть и кровь общества и где, наверное, все, что было понятного в возмущении Засулич поступком Трепова и трогательного в ее самопожертвовании, повлияло бы только на мягкость приговора, но не на существо его. Но надо заметить, что в Англии, да и во всякой свободной стране, злоупотребление Трепова давно уже вызвало бы запросы в палате, оценку по достоинству в печати и, вероятно, соответствующее взыскание или, по крайней мере, неодобрение правительства... И если бы поступок Трепова имел эти же свойства в Англии, то во взыскании с него или в порицании его, выраженном публично, общественное мнение нашло бы значительное удовлетворение. Инцидент был бы исчерпан – и оставалась бы одна Засулич со своим самосудом... Но так ли было у нас?!»⁵. Таким образом, присяжные приняли во внимание и положили в основу решения те обстоятельства, которые никогда бы не приняли профессиональные юристы. Можно предположить, что эти обстоятельства прямо не предусмотрены действующей правовой формой. Или же формой права?..

Представляется разумным обратить более пристальное внимание на понятийно-категориальный аппарат, а также провести ряд логи-

⁵ Крючкова А. Эхо от выстрела. Почему присяжные оправдали Веру Засулич // Аргументы и факты в Беларуси [Электронный ресурс] // <<http://www.aif.by/timefree/item/16928-zasulich.html>> (последнее посещение – 22.02.2014).

ческих построений для ответов на обозначенные выше вопросы.

Итак, обратим внимание на классическое для нормативно-позитивистской концепции понятие права как совокупности установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия. Данное определение вполне актуально для современной правовой действительности. Само по себе правило (как составная часть права) есть некая форма. В сущности, право и есть семантическая (буквенно-символьная) форма.

Для того чтобы уяснить понятие формы права, необходимо хотя бы в самых общих чертах остановиться на категории «форма» – одной из центральных и сложнейших в философии. Парной категорией для нее выступает другая философская категория – «содержание», понимаемое как определенная сторона целого, представленного в единстве всех составных элементов объекта, его свойств, связей, состояний, тенденций развития. Что же касается формы, то она есть способ существования, выражения и преобразования содержания. Различают внутреннюю и внешнюю формы явления. Когда термин «форма» употребляется для обозначения внутренней организации содержания, то он связан с понятием структуры. При относительном единстве содержания и формы первое представляет собой подвижную, динамичную сторону целого, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета. Порой возникающее в ходе развития несоответствие содержания и формы в конечном счете разрешается «сбрасыванием» старой и возникновением новой формы, адекватной развивающемуся содержанию.

Под уголовно-процессуальной формой понимается опосредованная нормами уголовно-процессуального права структура правоприменительной деятельности (называемая уголовным судопроизводством), которая включает в себя всю последовательность производства по уголовному делу, в том числе на каждой из его стадий, а также определенный порядок производства отдельных процессуальных действий или принятия процессуальных решений.

Обратимся к значению слова «опосредованный». «Опосредованный – данный не непосредственно, а через посредство чего-нибудь другого. Знание, опосредованное (опосредствованное) опытом»⁶. Другими словами, уголов-

но-процессуальная форма – это данная через посредство норм уголовно-процессуального права структура правоприменительной деятельности (называемая уголовным судопроизводством). То есть через нормы определяется структура правоприменения, что тождественно еще более общей конструкции – «правила определяют правоприменение». Казалось бы, очевидный и бесспорный вывод, но это лишь с одной стороны.

Так, выше упоминалось положение п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Это яркий пример уголовно-процессуальной формы (нормы, правила). На первый взгляд, смысл (содержание) вышеуказанных норм (форма) очевиден и предельно понятен. Но, глядя «издалека», данные формулировки напоминают картины известного русского художника Н. К. Рериха: возникает ощущение гармонии восприятия чего-то вполне целостного, а именно – конституционных принципов уголовного процесса, надежно гарантирующих права и законные интересы лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Если же подойти к полотну (процессуальной форме) вплотную, то мы увидим лишь весьма грубые мазки различными красками – «обеспечение права на защиту выражается в предоставлении... реальной возможности осуществлять... поэтому орган, ведущий уголовный процесс, обязан неукоснительно соблюдать... создавая необходимые условия для реализации...». А что стоит за этими «мазками»? Какое действительно содержание скрывает эта процессуальная форма? Ведь, как мы уже определили, через нормы права дается структура правоприменения, под которой понимается совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях⁷. В сущности, с поправкой на несовершенство и условность любых словесных построений, структура – это содержание, а значит, «через нормы права (форму) дается структура (содержание) правоприменения». Из сказанного можно сделать вывод: содержание правовых норм должно раскрываться в случае их применения.

Создателем правовых норм (форм) является законодатель в лице соответствующих государственных органов, которые на физическом плане представляют некую совокупность людей. В этой связи возникает очередной риториче-

⁶ Опосредованный // Мой словарь [Электронный ресурс] // <<http://my-dictionary.ru/word/19477/oposredovannyy>> (последнее посещение – 25.02.2014).

⁷ Структура // Яндекс.Словари [Электронный ресурс] // <<http://slovari.yandex.ru/структура%20%20это/БСЭ/Структура%20%28философ.%29>> (последнее посещение – 25.02.2014).

ческий вопрос: современное законодательство, состоящее из правовых норм (форм), регулирующее общественные отношения, – это продукт коллективного сознания или же коллективного бессознательного? Существует ли четко определенный дух закона (содержание), который полностью заполняет закон (форму), и как они между собой связаны?

Все эти вопросы отнюдь не являются праздным философствованием и теоретизированием. Дело в том, что современный правоприменитель, применяя тот или иной закон (другими словами, конкретный юрист воспринимает и осознает конкретную законодательную формулировку, а после накладывает «трафарет» своего разумения этой нормы на конкретную жизненную ситуацию), четко воспринимая форму (буквенно-символьную информацию, формирующую внешнюю оболочку нормы права), не имеет возможности ясно определить содержание (смысл, формирующий внутреннее содержание нормы права), сформулированное нормотворцем. И здесь кто-то может возразить, что этот смысл очевиден всем участникам правоприменительного процесса. Однако давайте на мгновение представим, одинаково ли (точно и единообразно) понимают смысл таких словосочетаний, как «реальная возможность осуществлять», «неукоснительно соблюдать», «необходимые условия для реализации» (рассматриваемый пример с нормами из Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь), следовательно, у которого в производстве находится уголовное дело, защитник, обвиняемый и другие участники? Для того чтобы понимание духа закона (смысла) у всех участников было единым, оно, во-первых, должно быть ясно определено в момент создания нормы (произведена увязка формы и содержания), а во-вторых, должны существовать взаимообусловленные не только эталон словесной формы, но и эталон смыслового содержания, к которому всегда можно обратиться в спорных ситуациях. Именно такая норма права была бы полноценной, обеспечивающей точное и единообразное ее применение.

Одной из причин дисбаланса формы и содержания конкретной нормы права в конкретной ситуации ее применения является субъективизм правоприменителя, который может искажать содержательный аспект конкретной нормы права в угоду тех или иных обстоятельств или интересов и который появляется в отсутствие явно выраженного объективизма законодателя. Именно в этот момент начинаешь лучше понимать выражение: «Два юриста – три мнения». В таком ключе правоведение трансформируется в казуистику.

Обратившись к истории вопроса, отметим интересную позицию В. Княгинина, выделявшего несколько волн рецепции Россией зарубежного права, а также и продолжающуюся и по сей день вестернизацию российского государства и права. Рациональный человек Запада, созданный Ренессансом и Реформацией, был уверен, что все или почти все проблемы можно решить при помощи разума. Соответственно, западное право Нового и Новейшего времени стало рациональной технологией решения социальных проблем, а ее теория – юриспруденция – выступила частью общего процесса модернизации западного общества. Западная модернизация как преобразование жизни общества на разумных началах, воплощаемых в утвердившихся в XVII–XIX вв. в Европе новой науке и технике, включила в себя и новую полностью секулярную, очищенную от влияния религии юриспруденцию с развитой юридической техникой правотворчества, специальным образованием, чрезвычайной важностью для общества профессиональной роли юристов и прочее⁸. При этом тотальная рецепция западных правовых лекал хотя и привела к ускоренной модернизации отечественного права, в то же время создала рассматриваемую нами проблематику – дисгармонию формы и содержания нормы права как регулятора конкретных социальных отношений с учетом особенностей менталитета правоприменителя. Опять-таки, обращаясь к пословицам, запечатлевшим квинтэссенцию отличия отечественного и западного правоприменительного вектора, сопоставим высказывания «Закон суров, но это закон» (фиксирующее четкий примат формы над содержанием, свойственное для западной ментальности) и «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло» (указывающее на непринятие примата формы и ее содержательное искажение волей правоприменителя, как реакция славянской ментальности на регулирование общественных отношений по западным лекалам). Фактически эти изречения наглядно иллюстрируют негативные последствия тотальной вестернизации отечественного государства, продуцирующего соответствующее нормотворчество.

Такой законодатель, создавая достаточно четкую форму права, не производит соностройку с соответствующим ей четким смыслом (как жидкость принимает форму емкости, которую наполняет). Эту правовую форму (пу-

⁸ Княгинин В. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы // ucheba.dlldata.com [Электронный ресурс] // <<http://ucheba.dlldata.com/docs/index-23355.html>> (последнее посещение – 27.02.2014).

стую емкость) заполняет чем-то своим (по содержанию, плотности, объему и т.д.) правоприменитель, тем самым достигая собственной сонстройки между формой и содержанием правовой нормы. Очевидно, что дисгармония находится не столько в плоскости формы (емкости), сколько в содержании и их сонстройке (субстанции, ее наполняющей, а также их взаимосвязи (например, вода в емкости и камень в емкости – разное соприкосновение)). В итоге константой является лишь семантическая конструкция (словесно-буквенная форма) нормы права, а ее содержание и их сонстройка будут переменными величинами, зависящими от конкретного правоприменителя. Вместе с тем, если бы эти три величины были константами на этапе создания (нормотворчества) законодателем и в неизменном виде передавались правоприменителю, который, в свою очередь, в первоначальном виде ретранслировал (применял) их для регулирования (обустройства) социальной реальности, то в таком ключе можно было бы установить точное соответствие формы содержанию, понимать «дух» и «тело» правила в их неразрывном единстве, что позволило бы точнее настраивать данный регулятор в зависимости от целей и задач, стоящих перед силами, создающими правовые нормы (социальные регуляторы).

На основании вышеизложенного становится более понятным и не таким уж абсурдным решение коллегии присяжных по делу Засулич, не соответствующее исключительно формальным лекалам романо-германской юриспруденции, лишенным тонкой сонстройки с содержательным аспектом, однако вполне адекватное правовым и социальным реалиям того времени. УУС 1864 г. одной из форм правосудия предусмотрел рассмотрение уголовных дел коллегией присяжных заседателей из числа обычных граждан, а не профессиональных юристов. Таким образом, законодатель заполнил уголовно-процессуальную форму «коллегия присяжных заседателей» содержанием «превалирующего именно общественного, а не юридического сознания», что вполне логично создает крепкий фундамент в сонстройке буквы и духа закона, в которой недопустим примат одного над другим и наоборот, а только лишь их тонкая сонстройка, основанная имплементация нравственных и духовных начал в структурирование общественных отношений посредством норм (правил), созданных законодателем и используемых правоприменителем. Чему же тогда удивляться, если присяжные представляли собой индикатор общественного мнения (в некотором смысле мерило социальной справедливости в то время и в том месте), а правоприменитель в лице председа-

тельствующего в судебном процессе А. Ф. Кони точно и единообразно выполнил все требования, соответствующие букве и духу УУС 1864 г., тем самым создал условия для полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела, а также вынесения не формально справедливого, а социально справедливого решения? Собственно, важнейший критерий законного и обоснованного приговора – это его справедливость, но ведь понятие справедливости не может носить лишь формальный характер, это глубоко содержательная категория. К слову, А. Ф. Кони был не только судьей, его перу принадлежит и такой фундаментальный труд, как «Нравственные начала в уголовном процессе», в котором он еще в XIX веке заглядывал вглубь права, тонко чувствовал сонстройку его формы и содержания. Ярким подтверждением тому служит его напоминание участникам судебного состязания, что «суд в известном отношении есть школа для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству»⁹.

Таким образом, научное увлечение лишь совершенствованием формы права и даже его содержания, и даже в их предполагаемой сонстройке совершенно не означает аутентичной имплементации такой полноценной нормы в социальную реальность, для которой она и создается. В отсутствие равнозначного нравственного базиса правотворца и правоприменителя, которые в современной правовой реальности либо не основываются на едином нравственном базисе, либо основываются на едином, но безнравственном, не возможна истинная эволюция государства и права. При этом, если фокусировать внимание лишь на их сонстройке в плоскости формы права, то предстает яркий и бесконечно многогранный мир современной отечественной юриспруденции.

Что же касается ответа на вопрос, с которого начиналось данное исследование, то, основываясь на вышеизложенном, осмелимся утверждать, что современная уголовно-процессуальная форма в любой своей вариации не сможет реально обеспечить право на защиту в уголовном процессе, однако с легкостью обеспечивает его виртуально, если вывод о тождественности производится на основании сопоставления нескольких процессуальных форм (буква закона и буква приговора) в отрыве от сонстройки с их содержательным аспектом (дух закона и дух приговора).

⁹ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // sbiblio.com. [Электронный ресурс] // <http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/koni_nrav> (последнее посещение – 25.02.2014).

Библиография

1. Стешенко Л.А., Шамба Т.М. Адвокатура в Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. – 518 с.
2. Смоленский М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 249 с.
3. Дмитриев И. Почему присяжные оправдали террористку Веру Засулич // Право.ru [Электронный ресурс] // (последнее посещение – 25.02.2014).
4. Крючкова А. Эхо от выстрела. Почему присяжные оправдали Веру Засулич // Аргументы и факты в Беларуси [Электронный ресурс] // (последнее посещение – 22.02.2014).
5. Княгинин В. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы // ucheba.dlldata.com [Электронный ресурс] // (последнее посещение – 27.02.2014).
6. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // sbiblio.com. [Электронный ресурс] // (последнее посещение – 25.02.2014).

References

1. Steshenko L.A., Shamba T.M. Advokatura v Rossiiskoi Federatsii. – 2-e izd., pererab. – M.: Norma, 2008. – 518 s.
2. Smolenskii M.B. Advokatskaya deyatel'nost' i advokatura Rossiiskoi Federatsii. – 2-e izd., ispr. i dop. – Rostov n/D: Feniks, 2003. – 249 s.
3. Dmitriev I. Pochemu prisyazhnye opravdali terroristku Veru Zasulich // Pravo.ru [Elektronnyi resurs] // (poslednee poseshchenie – 25.02.2014).
4. Kryuchkova A. Ekho ot vystrela. Pochemu prisyazhnye opravdali Veru Zasulich // Argumenty i fakty v Belarusi [Elektronnyi resurs] // (poslednee poseshchenie – 22.02.2014).
5. Knyagin V. Retseptsiya zarubezhnogo prava kak sposob modernizatsii rossiiskoi pravovoi sistemy // ucheba.dlldata.com [Elektronnyi resurs] // (poslednee poseshchenie – 27.02.2014).
6. Koni A.F. Nravstvennye nachala v ugovnom protsesse // sbiblio.com. [Elektronnyi resurs] // (poslednee poseshchenie – 25.02.2014).

Материал поступил в редакцию 3 марта 2014 г.